

МИФЫ И ИСТИНЫ

Предисловие

Перепечатывая статью Юрия Селезнёва “Мифы и истины”, мы исходили из следующего положения: книга Олжаса Сулейменова “Аз и Я” с 1975 года неоднократно переиздавалась, статья же Селезнёва после публикации в “Москве” в 1976 году более не была напечатана ни в одной из книг критика.

Переиздавая “Аз и Я”, поэт охарактеризовал критику своей книги, как “экзекуцию” и “яростно-критическую кампанию”, перечислив участников этой “кампании”: А. Кузьмин, Л. В. Дмитриев и О. В. Творогов, Ю. Селезнёв, Д. С. Лихачёв... Упомянул и о стенограммах обсуждения, опубликованных в журналах “Вопросы истории” и “Вопросы языкознания”... Достаточно, впрочем, обратиться хотя бы к стенограмме, опубликованной в “Вопросах истории”, как становится очевидно: ничего, отдалённо напоминающего “экзекуцию” или “разнос”, не было и в помине. Тон, выбранный Сулейменовым, его задиристость по отношению к предшественникам, изучавшим “Слово о полку Игореве”, предполагали гораздо более резкий ответ, чем он прозвучал в реальности. Б. Рыбаков отметил “преувеличения, далёкие от истины”, “примеры, свидетельствующие о незнании автором в ряде случаев конкретной истории”... “Непонятно, зачем поэту понадобилось так горячо выступать против “мудрствующих учёных”, их вымышленной “летаргической спячки”, против “патриотической науки”... В книге О. Сулейменова есть отдельные положения, требующие дальнейшей научной разработки, и некоторые выводы автора могут подтвердиться, но они нуждаются в ином изложении... Можно посоветовать О. Сулейменову, что до публикации рукописи никто ему по-товарищески не помог...” Д. Лихачёв был несколько более строг: “Навязывание “Слову” своих идей и концепций тоже имеет место, но оно отнюдь не расширяет и не углубляет наших представлений о “Слове”, а лишь заставляет специалистов тратить время на опровержение этих взглядов и трактовок, изрядно иногда засоряющих нашу науку... Концепция О. Сулейменова не только фантастична, она резко противоречит русской истории, истории литературы, письменности, палеографии...” А наиболее мягким по тону и даже скорее увещательным следует признать выступление А. С. Нарочницкого: “... Некоторые догадки О. Сулейменова о прочтении отдельных мест в “Слове о полку Игореве” и о порядке деления текста на слова могут подтвердиться... Но это “не изменит в принципе баланса критических высказываний”... Субъективные предположения ещё не наука, они требуют проверки и оценки степени их вероятности... О. Сулейменов создаёт дилетантскими приёмами произвольное нагромождение гипотез. Он увлекается длинной цепочкой произвольных предположений и тем самым занимается с точки зрения познания истины пустым делом...”

Но О. Сулейменов отнюдь не считал, что занимается “пустым делом”... В “Открытом письме” Динмухамеду Кунаеву, тогдашнему первому секретарю ЦК КП Казахстана, приложенному к переизданию “Аз и Я”, он, для начала польстив высокому начальству (“постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на исто-

рию, которая отнюдь не дышло — куда повернул, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту...”), ничтоже сумняшеся заявил: “Меня не поразила горячность, с которой большинство выступавших целиком отвергали все до единого положения книги. Это было зеркальное отражение стиля, присущего многим страницам книги, где, не приводя особых доказательств (выделено мной. — С. К.), автор покушался на устои всей (выделено мной. — С. К.) индоевропеистики, археологии и тюркологии. Что таить, автор надеялся — у него потребуют доказательств, научно обосновывающих те публицистические заявления, которыми избилует “Аз и Я”.

Потребовали. Доказательств не получили. И не могли получить. Ибо сверхзадача “русского интеллигента” была совершенно иная. “...Я, патриот ста народов, считаю себя, как и каждый, наследником всех прошлых и новых цивилизаций человечества. Так меня воспитали советская школа, комсомол и партия. И потому протестую против деления человечества на национальные уделы... Пусть протят мне учёные критики, но в такой неадекватной реакции на мысли, высказанные в книге, повинен не только автор, но и историография, и лингвистика, со школ воспитавшие сознание “самостийности” каждой культуры, не внушившие через школьные и вузовские учебники марксистско-диалектический взгляд на историю...” Вооружённый “марксистско-диалектическим взглядом”, Сулейменов большую часть текста своей книги посвятил “борьбе” с придуманным им “переписчиком XVI века”, якобы искажившим изначальный текст “Слова о полку Игореве”, откуда и пошли все его анекдотические нелепости, на которые обратили внимание серьёзные учёные.

В процессе работы над книгой О. Сулейменов излагал свой “взгляд” и в устных выступлениях, в частности, в докладе на пленуме Союза писателей Казахстана в январе 1972 года, где призывал “знать и оценивать историю с классовых, марксистских позиций” и с этих позиций в духе тогдашних идеологов обрушивался на “деревенскую прозу”, в которой “внесоциальные, абстрактно-гуманистические трактовки духовных ценностей деревенского мира оборачивались идеализацией патриархальщины”. На этом он не остановился. Следующим объектом его атаки стал замечательный русский писатель Иван Петрович Шухов, чью повесть “Трава в чистом поле” о генерале Скобелеве Сулейменов разносил со ссылкой на “интересное выступление” Валентина Оскоцкого о “неклассовом подходе к истории из свежей литературы”: “Нас не может обмануть популярность Скобелева в бытовых, черносотенных кругах мещанской Москвы”... Что-то то ли из “критики” 1920-х годов, то ли из выступлений Александра Яковлева.

“Прошлое, проклятое прошлое гнездится в закоулках души, на сгибах карт. Оно доходит до новых поколений со старыми песнями. Оно — в уцелевших царских, генеральских названиях городов и сёл. Оно пыльным цветом распускается там, где пасивен учёный и невежествен критик...” Самого Сулейменова в “пассивности” упрекнуть было невозможно. Уже после выхода “Аз и Я” он выступил в парижском журнале “Культура”, где в статье “Кочевники и культура: казахский эксперимент” обрушился на книгу замечательного учёного А. Плетнёвой “От кочевий к городам”, обвинив её буквально в следующем: “Полагаясь безоговорочно на свидетельства летописцев, позволяя себе проникнуться их чувствами и суждениями, учёные рискуют воскресить мировоззрения забальзамированного мира, принять преднаучное мышление. Странная вещь, но, кажется, именно это происходит в ряду современных историков... Специалист, который исследует, скажем, Киевскую Русь XII века единственно на основе старинных русских летописей, не сможет добиться подлинно научных результатов...” Интересно, что жаждущий “научных результатов” “русский интеллигент” в этой же статье сделал немало совершенно поразительных признаний: “Отныне я выступаю не только в качестве защитника, но даже как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками... Я хотел, не имея академических возможностей, решить весь комплекс вопросов одним махом (! — С. К.) подготовить почву для новых честных исследователей... Десять лет назад вышла моя книга “Аз и Я”, часть которой посвящена истории прочтения “Слова” учёными-специалистами. Эта работа навлекла на себя острую и порой справедливую (! — С. К.) критику. Некоторые обратили, в частности, внимание на то, что исследователь-поэт упустил из виду оригинальную поэтику памятника (!!! — С. К.). Действительно, я не включил эту тему ни в одну из своих статей, а именно своеобразие поэтическое служит сильным аргументом, доказывая подлинность “Слова о полку Игореве”...”

Через несколько лет, при переиздании “Аз и Я”, никакой речи о “справедливой критике” уже не шло. В предисловии к книге “Язык письма” (Алма-Ата, 1998) Сулейменов почёл необходимым специально отметить, что “в журнале “Проблемы коммунизма” (1986 г.) “Аз и Я” была названа в пятёрке книг, которые “подготовили перестройку сознания советского общества перед горбачёвскими реформами”. Тогдашнее “соревнование” между многими авторами в турнире “Кто готовил перестройку”, действительно, приобретало характер массового психоза, и за “приоритет” бились нешуточно.

“Осуждаемый кочевник”, видимо, имел в виду и подготовку к такому “фрагменту перестройки”, как массовые погромы в Алма-Ате в 1986 году, осуществляемые руками таких же “осуждаемых кочевников”... Впрочем, тогда у него были и другие заботы, в частности, организация движения “Невада-Семипалатинск”, призванного остановить все ядерные испытания на двух полигонах. На Семипалатинском, полигоне они, действительно, прекратились. В Неваде они возобновились в 1997 г. и продолжают по сей день.

После всего вышесказанного, думается, статья Юрия Селезнёва “Мифы и истины” будет перечитываться с особым вниманием и интересом.

Сергей Куняев

Говорят, от великого до смешного – один шаг. Но это как раз тот “шаг”, который нередко относит внешне схожие явления к принципиально различным сферам жизнедеятельности.

Интерпретация популярных образов, использование народной этимологии и т. п., вообще вовлечение исторических, культурных и прочих ценностей в сферу шуток вполне закономерно, оправданно и имеет под собой глубокие корни... но – только во вполне определённой области – в сфере народной смеховой культуры¹. При этом, подчеркнём, – именно культуры, составляющей, например, заметный пласт в творчестве и таких гигантов, как Шекспир, Сервантес, Рабле, Гюго, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Шолохов. В непосредственно народной жизни элементы этой смеховой культуры до сих пор широко бытуют в различных формах: байки, анекдоты, бухтины, частушки и т. д.

Но то, что совершенно естественно, закономерно и оправданно в одной сфере, – кажется совершенно невозможно, именно – неестественно в другой. В самом деле, представим, что было бы, если бы логику, формы и способы “доказательства”, скажем, анекдотов использовать, например, в научно-историческом исследовании... В одном случае смех возводится в акт культуры, в другом – культура была бы низведена до уровня смехотворности. В одной сфере определённые формы выражения мысли рожают жизнеутверждающий смех, в другой, казалось бы, те же средства под видимостью научного утверждения скрывают разъедающую усмешку скептицизма.

Вы скажете, кому же придёт на ум выдавать анекдот за научную истину, а если и придёт, то кто же в неё поверит, а если и поверит... Вот то-то и оно: а если и поверит? В своё время наука, например, была втянута в спор, продолжавшийся около трёх столетий, да и сегодня ещё вспыхивающий неожиданно в той или иной форме – в спор о призвании на Русь варяжских князей-братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора, о чём и повествуется в “Остромировой летописи”. Этот “исторический факт”, как известно, был одним из оснований “норманнской теории”, изобретённой представителями так называемой скептической школы. Однако, как выяснилось, важнейший “исторический факт” оказался не более чем анекдотом, который возник из-за неточного перевода скандинавского текста, включённого в названную летопись. Один мифический брат – Синеус (sine lius) переводится дословно как “свой род”, другой – Трувор (thru varing) дословно: “верная дружина”².

¹ См. об этом в книге М. М. Бахтина “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса”. “Художественная литература”, М, 1965. Проблема смеховой культуры в настоящее время нашла исследователя и в лице академика Д. Д. Лихачёва.

² См. об этом, например, в труде академика Б. А. Рыбакова “Древняя Русь. Сказания, Былины. Летописи”. Издательство АН СССР, 1963 стр. 293.

Хорошо, скажут вам, этот факт – недостоверен, но ведь есть и другие... Вы ищете опровержение и этим другим, а вам подсовывают третьи. Вы... Что ж, вы просто вовлекаетесь в ту сферу деятельности, которую приготовили для вас ваши “оппоненты”. К тому же сами они тоже выглядят теперь не “шутниками”, но – одной из сторон в серьёзном научном споре... А если уж разгорелся спор, то, стало быть, что-то есть эдакое, рациональное, и в одной концепции и... в другой, ибо “нет дыма без огня” и т. д. Вот перед нами уже и не анекдот, но “достойная внимания” концепция, которая вербует себе всё новых сторонников, ибо она (как правило) даже свою абсурдность умеет облекать в тогу “непризнанной (пока, конечно) гениальности”, ну и, безусловно, новаторской дерзости, “мученической” борьбы с “устоявшимися стереотипами” и т. д. и т. п. А это всё, согласитесь, увлекает...

Но зачем, собственно, здесь эти размышления? А затем, что время от времени, в том числе и сегодня, появляются-таки подобные “научные” труды, авторам которых порою и не хотелось бы, никак не хотелось бы выглядеть шутниками, но “научная аргументация” которых – на уровне именно мифотворчества. Миф же, как известно, нуждается не столько в фактах, сколько в полуфактах, в видимости аргументов, от которых так же легко отказаться, как и тут же изобрести новые.

Заинтересованность в создании того или иного сорта мифов всегда находит себе выход в конкретных формах непосредственного воплощения, причём автор того или иного “труда” может порою и не представлять себе, во всяком случае в полном объёме, те задачи и цели, которые преследуют истинные мифосозидатели, чьи идеи находят “своё”, индивидуальное решение в его, данного автора, изысканиях. А цели и задачи, стоящие перед известным сорта мифами, нередко, о чём говорят факты истории, – бывали глобальными.

Один из характернейших признаков культуры нашего времени – всё возрастающая историчность мышления, которая проявляется, в частности, и в повышенном интересе к познанию наследия прошлого. Не случайно одна из основных целей современного мифостроительства – противостояние историческому мировоззрению, внушение скептического отношения к тем положительным данным, которые добыты историческими, социологическими и другими общественными науками. И, следовательно, – отрицание опыта, заключённого в реальных исторических фактах.

Книга Олжаса Сулейменова “Аз и Я”¹ привлекла меня уже самим жанром, который определён в аннотации так: “история глазами поэта”, “сплав публицистики с кропотливым анализом лингвиста”. Посвящена она серьёзной и интересной проблеме взаимоотношений Руси и половцев, в более широком плане – славянского мира и тюркоязычных народов, в ещё более широком – вообще взаимоотношению разных культур, истолкованию их исторического, духовного наследия, то есть проблеме: история и современность.

Да, мы живём в такое время, когда всё более насущными становятся слова Пушкина: “Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости”. Жалок народ, для которого прошлое не существует. История, в том числе и древнейшая, – не давно прошедшее вчера, но важнейшее звено живой связи времён: “тронь в одном месте, как отзовется вся цепь”.

Однако интерпретация духа и смысла древности, современное “прочтение” её под тем или иным углом зрения подчас, как мы уже говорили, преследует далеко не “академические” цели. Достаточно напомнить хотя бы о таком “мифе”, как теория “врождённого” культурного превосходства англосаксонской расы, теория, которая лежала в основе практики мировой империалистической политики англичан. По этой теории даже Индия – один из первых культурных очагов человечества – объявлялась страной в культурном отношении примитивной, отсталой и т. д. “Истории Индии, которые приходилось читать большинству из нас, написанные главным образом англичанами, представляют собой обычно пространные апологии и панегирики английскому владычеству и слабо завуалированное презрительное описание того, что произошло в нашей стране в предшествующие тысячелетия”², – писал Дж. Неру.

¹ О. Сулейменов. Аз и Я. Алма-Ата, изд-во “Жазушы” (на русском языке), 1975, 60 тыс. экз., цена 74 коп.

² Дж. Неру. Открытие Индии, М., изд-во “Иностранная литература”, 1956, стр. 106.

“Мифы XX века” (германо-нордический, сионистский, маоцзедунистский) – о “культурно-исторической миссии” того или иного “главного народа” – всегда служили в конечном счёте практическим интересам колониализма, захватничества, подавления национальных движений, расизма и разного рода интересам империалистического толка.

Для подобного сорта “мифов”, как правило, недостаточно “обосновать” первородное превосходство “главного народа”. Необходимо ещё и объявить другие народы духовно несамостоятельными, получившими готовую культуру от того или иного, но всегда “избранного” народа.

Того же сорта и пресловутая “норманнская теория”, возникшая ещё в XVIII веке, по которой славяне, и в первую очередь древняя Русь, объявлялись народами полудикими, получившими культуру и государственность “в подарок” от германцев-норманнов.

Подобные “мифы” рождались не от незнания, напротив, они – плод сознательного, тенденциозного толкования исторических документов. Ознакомившись, к примеру, с результатами изучения русской старины немецкими профессорами, Ломоносов писал справедливо, хоть и не слишком “дипломатично”: “Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина”.

Между тем “норманистские гнусности” нашли многочисленных сторонников и в самой России, в лице так называемой “скептической школы” XIX века, представленной небезызвестными именами Сенковского, Каченовского и иже с ними.

В XX веке реставрированный и модернизированный “норманизм” лёг в основу фашистского мифа, обосновавшего расистскую теорию и практику в отношении “культурно неполноценных славян” и других народов.

“Организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе своё умение создавать государство... В течение столетий Россия жила за счёт этого германского ядра своих высших правящих классов...” Это из “Майн кампф” Гитлера...

Необходимость в осмыслении нашей древней истории, истоков нашей культуры, государственности, патриотизма находит отражение в многочисленных исследованиях, в трудах историков, археологов, лингвистов. Однако и до сих пор большинство подобных изысканий остаются достоянием специалистов.

Настоятельная потребность общества в книгах обобщающих, синтезирующих разрозненные открытия специальных академических исследований, в книгах, которые слили бы воедино принципиальную научность с полётом поэтической мысли (но не вымысла), в книгах, которые возвели бы частные изыскания в акт общественного, массового сознания, повторю – настоятельная потребность общества в таких книгах сегодня не нуждается в доказательствах.

Эта потребность, думается, может вызвать читательский интерес и к названной книге О. Сулейменова. Тем более что автор пытается создать вокруг себя ореол борца с “мифами”-“стереотипами”, ореол едва ли не единственного в своём роде оракула, кому открыта и кем возведена, наконец, истина... Интервью автора книги корреспонденту “Комсомольской правды” недвусмысленно озаглавлено: “От мифа к истине” (“Комсомольская правда”, 9 октября 1975 г.).

Странным, несколько “загадочным” показалось сначала, что автор книги “Аз и Я” уже на первых её страницах вполне определённо берёт под свою защиту “скептиков”, как старых: Каченовского, Сенковского, Шлецера и др., так и новых – А. Зимина; Луи Леже и А. Мазона из Франции, С. Лескова из Австралии... Не соглашаясь с ними по отдельным частным пунктам, он относится к их позиции в целом, скажем так – с пониманием. Ибо “скептическая школа”, в основе концепции которой лежало пренебрежительное отношение к русской государственности, по мысли О. Сулейменова, “сыграла весьма положительную роль... Она способствовала созданию нравственной атмосферы в науке...” При этом “скептики прошли сквозь “пытку” патриотической критики” (стр. 12), видящей, например, в “Слове о полку Игореве” доказательство высокой культуры, творческих возможностей древней Руси. Автор книги убеж-

дён, что скептическое “отношение к древностям было продиктовано необходимостью. С ростом национального самосознания наука нередко становится на службу казённому патриотизму...” (11).

Перекинув мостик из “века минувшего” в “век нынешний”, О. Сулейменов определяет и свою авторскую позицию: “В этих условиях самая ценная фигура в науке — скептик”! (16).

Итак, акценты расставлены определённно: “скептик” Каченовский более ценен для него, нежели, скажем, Пушкин, который по “нравственной” шкале автора косвенно отнесён в стан “казённых патриотов”, ибо безоговорочно принимал “Слово” и решительно боролся со “скептиками”. Нужно сказать, что “грех патриотизма” в книге О. Сулейменова вообще представлен как самый смертный грех. За патриотические прегрешения от автора изрядно достаётся исследователям “Слова” и русской истории — от Татищева до советских академиков Лихачева, Грекова, писателя Югова и вообще всех тех, кто писал, “стремясь доказать, что Киевская Русь была государством цивилизованным” (173), а этого, по учёному мнению О. Сулейменова, не может быть. Ибо “миф” о культуре древней Руси создан “казёнными патриотами”, которыми руководил “комплекс неполноценности, вызванный Игом... Их запоздалый военный гений проявлялся подчас в формах, веселящих читателя. Неистово исправляя несправедливую правду, они ваяли из её грубого живого тела прекрасный труп” (187). Трудно сказать, что веселит “благонамеренного” читателя, которым не без кокетливого намёка рекомендует себя автор книги. К тому же, продолжает О. Сулейменов, “научная историография зародилась в России, уже принявшей статут империи” (174). Ещё один намек. Их в книге немало.

И совсем не случайно возникает разговор о “Слове”: ведь если бы у нас ничего не осталось от наших памятников старины, кроме одного “Слова”, то и его было бы вполне достаточно, чтобы судить о целом древнерусской культуры.

— Но нет, — говорит нам О. Сулейменов, — не обольщайтесь: ваше “Слово” — это всего лишь смесь “искусственного язычества и искусственного христианства” (15); “старая, ветшанная картина, изображающая реалии XII века, была реставрирована и подкрашена в XVI. Второй этап реставрации “Слово” пережило в XVIII веке” (84). “Принято считать, что “Слово” — патриотическое произведение, написанное в 1187 году и призывающее русских князей к единению...” (85). Вот уж ошибаетесь, поправляет О. Сулейменов, если автор “Слова” и патриот, то не русский, а... тюркский. Не за обиды земли русской возвышает он свой голос. (Какие там обиды? Откуда?! Когда?) А за обиды половцев...

Автор “Слова” одновременно и обвиняет Игоря, и радуется его возвращению из плена, корит его и других русских князей и прославляет их, призывает вспомнить о славе былых времён. Но “этого не может быть”, по мнению О. Сулейменова. Раз автор осуждает Игоря, он не должен радоваться его освобождению, раз корит, не должен его прославлять — всё это поздние реставрации “патриотов”, а главное — всё это нарушает тот дух и смысл “Слова”, которым наделяет его О. Сулейменов. Всё это не укладывается в рамки его схемы.

Другим основанием для тех же выводов является толкование так называемых тёмных мест. И не только тёмных. Если какие-либо славянские образы “Слова” поддаются сближению с тюркскими, они под пером О. Сулейменова тут же приобретают характер “скрытых тюркизмов”. Скажем, достаточно понятное слово тропа превращается в тюркское — торпа. Но что там тропа! Вот, например, Буй-Тур Всеволод. Конечно же, это тюркизм. Тут О. Сулейменов вроде бы даже обижается за русских, которые-де князя своего волом величают, да ещё и буйном! Это уже скандал. Великий русский князь — буйный (дикий) вол... Нет, “защищает” О. Сулейменов автора “Слова”, не мог он так обидеть князя. Да и не характерен этот образ для русской поэзии вообще.

Конечно, можно напомнить “скептику”, что буй в древнерусском языке связан не с буйством или буянством (в современном смысле), но вбирает в себя целый спектр значений: сильный, смелый, рослый, большой, великий (того же корня, что и быти, бухнуть, бушевать); что Тур — онтологический образ, восходящий ещё к общеиндоевропейскому единству, связанный с представлением о языческом божестве-громовержце (сравним: бык — Юпитер, аналогичный образ в ведийских гимнах). В индоарийской мифологии красный (отсюда и ярый, яркий Всеволод называется ещё и Яр-Тур) бык — символ солнца.

У древних славян – олицетворение грома, нашедшее отражение и в народно-поэтическом образе тура, ревущего на горах, и в загадках типа “тур ходит по горам, а Турина по долам” и т. д. Данные этнографии, лингвистики, филологии говорят о том, что у славян существовал культ бога Тура¹.

Исследователь-алхимик О. Сулейменов тотчас же изобретёт целую серию новых “аргументов”, благо что “скептический метод” не понуждает его к особому напряжению мысли там, где научные факты утверждают “да” – тверди своё упорное “скептическое” – “нет”. Что ему до того, например, что об Антах как о славянском народе сообщают древние авторы, которых нелегко заподозрить в “грехе русского патриотизма”. Так, к примеру, готский историк середины VI века Иордан говорит о славянах-венетах, что в его время они “преимущественно называются склавенами и антами”², в другом месте он же говорит “Эти венеты, как уже отмечалось выше, происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами – венетов, янгов и скламенов”³.

У византийского историка Прокопия Кессарийского читаем, что и “склаvenes и анты в древности носили одно имя: и те и другие исстари назывались спорами”⁴. Другой византийский историк, Менандр, пишет о посольстве антов во главе с Мезамиром к аварскому кагану, о бесчинствах авар (обров) в земле антов⁵, что, кстати, описано и в “Повести временных лет”. “Принято считать” – пустит в ход свой “научный” оборот Сулейменов, что анты – славяне, а на самом деле они – турки. Вы думаете, что Даждь – божьи внуки (в “Слове”) – русские, а это – половцы Принято считать (кем принято?.. “Официальными патриотами”?), что древняя Русь была могущественным государством, а я говорю, что военное дело организовали вам турки, ибо “источки древнеславянской военной лексики относятся к эпохе славяно-тюркского единства” (автор относит слова “воин”, “боярин”, “полк”, “труд”, “охота”, “облава”, “железо”, “молот”, “рать” и т. д. к несомненным тюркизмам (179). Это с одной стороны. А с другой те же турки надёжно охраняли Русь от всех мировых катаклизмов. “В течение двух веков половцы прикрывали Русь с Юга и Востока, но поединка с монголами они не выдержали...” (162, 163). Ну, а уж раз не выдержал “щит русского народа” (165) (то есть половцы), то о самой Руси и говорить нечего...

Не хочет О. Сулейменов замечать и такие мелочи, как по меньшей мере двухтысячелетнее (до появления половцев) наследие славяно-русской земледельческой культуры, столкнувшейся в лице тюрков с кочевыми народами, которые находились ещё на стадии перехода от племенной общности к зачаткам государственности⁶ (по О. Сулейменову, понятие государственности принесли на Русь турки-кочевники, ибо они уже были полуоседлы, а русские стали земледельцами лишь в XIV веке).

Одним из основных компонентов смешанного населения городов Киевской Руси тоже были турки (182), языком древней Руси был тюркско-русский язык (182, 183); и вообще, тюркская культура сыграла в истории Руси ту же роль, что в XIX веке, во времена Пушкина и Толстого – французская (182, 183). Словом, половцы – это французы XII века!.. (Так хочется ну хоть немного побыть “французом”?..)

Возможно, представители науки согласятся оспорить подобные “аргументы” О. Сулейменова, указать на его “ошибки” и т. д., если только наука сочтёт возможным или необходимым опуститься на тот уровень “полемики”, к которому подталкивает логика книги “Аз и Я”.

Суммарная оценка “научности” изысканий О. Сулейменова дана в статье доктора исторических наук А. Кузьмина⁷. Нас же в данном случае интересует

¹ В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. “Наука”, 1974, стр. 168–170.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. Изд-во восточной литературы, 1960, стр. 34.

³ Там же. Стр. 114.

⁴ Цитирую по книге В. П. Кобычев. В поисках прародины славян. “Наука”, 1973, стр. 25.

⁵ Менандр Византиец. История, “Вестник древней истории”, 1941. № 1, стр. 247, 248.

⁶ См., например, коллективное исследование “Домусульманские верования и обряды в Средней Азии”. “Наука”, 1975., стр. 315, 316, 328 и др.

⁷ А. Кузьмин, “Точка в круге”, из которой вырастает репей”. “Молодая гвардия”, № 12, 1975.

публицистическая сторона книги, система её внутренних притяжений и отталкиваний. Гораздо важнее понять, какова природа “ошибок” Сулейменова, в сферу влияний и подталкиваний какой мифосистемы вольно или невольно включается заявленная в книге его “личная” претензия на концепцию. Важно понять, какова содержательность самого тона, той задиристости манеры изложения материала, которые предлагает книга. “Задача исследователя... – учит Сулейменов, – снимать следы кисти позднейшей, добираться до протографа. И в конце работы может выясниться, что икона-то висит на стенке неверно и изображён на ней не бог Игорь, а живой человек с дьявольскими чертами. Не грех напомнить, что в одном злополучном музее картины Пикассо до недавнего времени висели “вверх ногами...” (84). Не грех напомнить, кстати, что такая “злополучность” скорее говорит о характере некоторых картин самого Пикассо, нежели о культурной “неполноценности” служителей музея. Но дело сейчас не в этом. Это ж подумать только! Кто же посмеет заподозрить Сулейменова в недооценке “Слова”, когда он, страшно сказать, – ставит его в один ряд с творениями самого Пикассо... Нет, тут уж явный перегиб: Пикассо всё-таки Пикассо, а не какая-то там “старая ветшанная картина” с её псевдогероем, “этим новгород-северским князьком” (129), которого “казённые патриоты” сумели подреставрировать “патриотической” штукатуркой и белилами, замешанными на “этой, увы, неуклюжей “мудрости” искусственно выведенного Бояна” (129).

Зачем потребовался Сулейменову целый каскад антинаучных по сути, но дерзких по видимости выпадов против всемирно известного памятника? Ну конечно, заявку на роль “ниспровергателя” нужно оправдывать.

Но только ли это?

Сулейменов постоянно в тех же рассчитанных на раздражение “оппонентов” тонах настойчиво противопоставляет “славянское” – “тюркскому”.

Вот *ваше* достоинство, *ваша* гордость, *ваше* “Слово”, которое наполовину (если не более того) сострепано рукой неумного и неумелого “копииста” (130), всё “творчество” которого заключается в принципе – “лишь бы складно” (131).

Но есть “другое”, тюркоязычное, “Слово”, рождённое “в среде, насыщенной поэзией тюркской речи” (182).

Нет, нет, не всё погибло, даже те немногие “уцелевшие при переписке (переводе на русский. – Ю. С.) тюркские включения придают речи “Слова” особый колорит и вкус, как щепотка баскунчакской соли, растворенная в чаше днепровской воды. Или капля крови. Или слеза” (183). Проникновенно сказано, не правда ли? Особенно о крови. Мы ещё вспомним о ней. Стоит ли “напоминать” О. Сулейменову, что нужно быть глухим и слепым к чужому, чтобы не заметить, сумеет ли заметить, что “Слово” в целом живёт и дышит поэзией славянской народной символики, образности, созданной веками, тысячелетиями земледельческой культуры? Искать и находить тюркские, как и многие другие, влияния можно, конечно, и в “Слове о полку Игореве”. Но тот способ изысканий, который предложил Сулейменов, не только антинаучен, но и обиден, думается, прежде всего для самих тюркоязычных народов, создавших истинно свои, национальные, дышащие первоначально-неповторимой поэзией шедевры. Стоит только вспомнить стихи замечательного туркменского поэта XVIII века Махтумкули, чтобы понять: истинная слава культурной нации, народа создаётся не путём алхимических изысканий в чужих культурах, но творческим духом самой нации, на родной почве.

Но не слава предков и не забота о тюркском наследии движут пером О. Сулейменова. Его, например, совершенно выводит из себя теория А. И. Попова, сущность которой сводится к следующему: большую часть тюркских слов русские заимствовали у тех тюркских народов (торков, берендеев и др.), с которыми Русь давно и мирно жила в системе единого государства, единых интересов. Но такая естественная, “мирная” логика рассуждения почему-то вызывает активное возражение у О. Сулейменова. Концепция одностороннего, монологического по своей природе развития человечества как цепи заимствований “низшими” народами опыта “высших” и даже, если кому повезёт, “главного” или “избранного” – внеисторична по сути своей, это – миф. Притом – не первоначальный, предшествующий историческому сознанию, но миф “современный”, в основе которого лежит нередко сознательный антиисторизм.

Слово помогает восстановить историю взаимоотношений народов, но не может определять и обосновывать “главность”, а тем более “избранность” одного из них.

О мирных, трудовых, именно культурных отношениях тюрков и славян почти ни слова в книге не сказано. Оседлые тюркские народы сумели уже в древности в невероятно трудных условиях среднеазиатских пустынь и безводных степей, в постоянной жёсткой борьбе с кочевниками (в том числе и тюркоязычными, которые, как говорят данные археологии, этнографии и лингвистики, находились на неизмеримо низшем этапе культурного развития, нежели тюрки-земледельцы) создать свою высокую культуру, свою государственность и отстоять её. Эта сторона проблемы О. Сулейменова почему-то не интересует. Почему? Да, как говорил великий русский патриот Пушкин: “Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие”. Но всякой ли славой?

Известно, что славяне, например, уже в VI–VIII веках заходили далеко от родных земель, порою наводя ужас на жителей тех стран, куда неожиданно являлись. Даже и поселения свои образовывали. У византийского историка Феофана можно прочесть о славянском поселении в Сирии. Тот же Феофан и другие историки (Никифор и Анастасий) рассказывают о ряде славянских переселений в VIII веке в Малую Азию. Арабский писатель Ибн Хаукаль сообщает, что в X веке два из пяти кварталов города Палермо (Сицилия) были заселены славянами, куда они переселились из Северной Африки. Известно, что славянские дружины служили в войсках арабских халифов. “Некоторые из славян занимали в иерархии Халифата весьма видные посты военачальников и визирей. Славянская гвардия играла важную роль в междоусобной борьбе в Халифате”¹. Многие из них были людьми образованными и даже оставили после себя литературные и исторические сочинения.

Но что из этого? Да, это всё исторические факты. Но не факты славянской культуры. Не основания славы наших предков. Ибо культура и слава наций создаются не в отдельных занимательных эпизодах, но в долгом, тысячелетнем труде народов на своей земле, в борьбе за свою национальную и государственную самостоятельность, в диалоге с другими народами.

О. Сулейменова больше привлекают именно отдельные “колоритные” исторические картинки, которые подаются им в духе и смысле определившегося мифа. Притом далеко не в одном только культуртрегерском ореоле. Так, к примеру, к “славе предков” автор “Аз и Я” не без гордости относит и такие факты, как служба мамелюков тюркского происхождения в гвардии Наполеона: “Мамелюки завершили круг невероятной жизни своих поколений у подножия горы, за головой которой стоит Москва “ (171). Пассаж о мамелюках начинается словами “о последнем важном (курсив мой. – Ю. С.) периоде истории средневековых кочевников”, которые “прошли мир от Арала до Чёрного моря и венгерских степей”, прежде чем закончить свой путь в земле, которая до сих пор зовётся “Непоклонной”.

Автор книги, правда, предпочитает говорить о Поклонной горе (171) – возвышенности, с которой Наполеон смотрел на непоклонную Москву. Вспомним пушкинские строки: “Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою...” На Поклонной горе Наполеон “поклонился” непоклонности Москвы. Ничего не поделаешь, мифосхема диктует средства и методы своего “поэтического” обоснования. Но что такое подобная доморощенность по сравнению с давно бытующими мифами! Поза первооткрывателя, ниспровергателя “стереотипов”, борца с мифами фальшива. Запад-де нас не изучает. Запад-де нас не видит. Запад-де принижает культурные достижения Востока и т. д. и т. п. Зачем это? Стоит открыть любой труд советских (в том числе и русских) историков, археологов, этнографов, филологов, искусствоведов (а их буквально тысячи), посвящённых Востоку, народам Средней Азии, чтобы убедиться, что раздражительные наскоки О. Сулейменова имеют источником далеко не тюркский патриотизм.

Сейчас и на Востоке, и на Западе господствует скорее не европоцентризм, на который обрушивает свой гнев Сулейменов, но обратный, столь же односторонний перекокс: азиоцентризм. Вот что, к примеру, пишет известный учёный-археолог Гордон Чайлд, и это не выпад, но скорее “общее

¹ В. П. Кобычев. В поисках прародины славян, “Наука”, 1973, стр. 8.

место”: “Древний Восток является ключом к правильному толкованию европейской предыстории. Последняя в своей начальной стадии является главным образом историей подражания восточным достижениям... О самих же достижениях мы узнаем из археологии Востока”¹. По мнению другого крупнейшего специалиста, Г. Кларка, все важнейшие достижения Европы в области культуры и цивилизации (скотоводство, земледелие, металлургия и т. д.) – следствия прямого заимствования у народов древнего Востока².

Между тем это далеко не крайние точки зрения европейского азиоцентризма. Об азиатском же азиоцентризме, возведённом в ранг международных мифов об “избранном народе”, говорить не приходится...

Не стоит удивляться и толкованиям О. Сулейменова, они вполне “в духе времени”. Напрасно только их автор становится в позу человека, изрекающего нечто неслыханное, невероятное и даже крамольное. Напротив, обычное, даже почти стереотипное. Личная его “заслуга”, пожалуй, в одном: то, что у других сказано в виде предположения, в плане “научной гипотезы”, под пером автора книги “Аз и Я” тотчас приобретает форму аксиомы. “Открытия” О. Сулейменова доводят стереотипность определённого образа мышления до такой крайности, что его выводы наконец обнажают всю нелепость и беспомощность утилитарно-практического истолкования наследия древности. Методология книги, на которой значится имя О. Сулейменова, объективно дискредитирует как истинно научную тюркологию, так и саму идею взаимовлияния различных народов, переводя проблему с языка истории и культуры на язык “крови”, “расы”, “избранности”, “главного народа”...

Вы говорите “храбрые”, “мудрые”, “образованные” русские князья, – подбирается к главному автор книги “Аз и Я”, – естественно, ведь “в жилах... Игоря и Всеволода течёт добрая струя (курсив мой. – Ю. С.) кипчакской крови” (144). Вспомним и о “капле крови” в днепровской воде. Не той, что пролита в совместной борьбе славянских, тюркских, как и всех остальных народов нашей страны в борьбе за независимость Родины, но о той, которая якобы придаёт особый вкус и смысл древнерусской народности.

А вы говорите – “культура”, “история”. Вряд ли стоит напоминать Сулейменову, столь заботливо расследующему процент половецкой крови в славянах, что сами половцы по своему происхождению динлинский, то есть европеидный, но значительно тюркизированный народ³, о том, что говорить о тюрках в том расовом смысле, который придаёт этому термину автор “Аз и Я”, мягко говоря, неправомерно. Как показывают многочисленные источники (исторические, этнографические, палеоантропологические, филологические), “тюрки – понятие чисто лингвистическое, объединяющее собой различные по происхождению народы, говорящие в результате определённых исторических явлений на тюркских языках. Расового или этнического единства в этой группе нет”⁴.

Читатели вправе спросить: не впадает ли сам О. Сулейменов в тот же “грех патриотизма”, в котором он обвиняет всех исследователей-нескептиков “Слова”, только патриотизма не славянского, а – тюркского?

Нет, не впадает. Все его многочисленные скептические “нет”, в том числе и в адрес тюркских народов, их истории и их культуры, призваны завуалировать единственное, но зато центральное, вполне определённое “да”.

Спросим и мы автора “Аз и Я”. Хорошо. Допустим, “дикие жители лесных чащоб” – древние русичи – научились говорить, пасти и пахать, строить города, вступать в брак, воевать, писать произведения, подобные “Слову”, и т. д. от культурных, цивилизованных кочевников. Допустим. Ну, а от кого они-то, кочевники, цивилизовались или явились миру в законченном совершенстве?

Из книги мы узнаем, что древние тюрки в то время, когда ещё все народы мира были то ли дикими, то ли и вовсе не вышли из стадии обезьян, сначала жили бок о бок с шумерами, а позднее – с “Главным народом” (О. Сулейменов

¹ Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., изд-во “Иностранная литература”. 1956, стр. 24, 25.

² Г. Кларк. Доисторическая Европа, М., изд-во “Иностранная литература”, 1953, стр. 4.

³ См., например: Л. Гумилев. Хунну. Изд-во восточной литературы. М., 1960, стр. 250 и др.; другие источники говорят о том же: см. в книге М. И. Артамонова “История хазар”, Л., 1962, стр. 421.

⁴ См. книгу Л. Гумилёва, стр. 251.

пользуется в этом единственном случае заглавной буквой – 290), то есть с семитами-иудеями, которые именуются здесь также “избранным народом” (290).

Провозгласив себя таким образом принадлежащим к кругу околоизбранных, О. Сулейменов, видимо, почувствовал, как в него стали вселяться “истины” одна другой истиннее. Например, история развития человечества открылась ему как цепь последовательных заимствований различными народами достижений “главного народа”. Так, даже такие слова и стоящие за ними явления, как роса, рябина, радуга, не говоря уже о таких, как работа, раб, речь, решать, оружие, ружий (рудый, рыжий, русский – а отсюда и русский) и т. д. и т. п., славяне ни в жизнь придумать не могли, а просто позаимствовали у “Главного народа” (292–296). Так, например, роса, рябина, работа произошли от Ра – иль, то есть ра – бог (отсюда и из-ра-иль). Но “славянские общества к тому времени ещё не готовы к восприятию столь отвлечённой идеи. Их философия приближена к природе, и абстрактные понятия бог, государство не сразу утверждаются в сознании” (290, 291). Поэтому большее, на что они были способны, – сделать из израильского бога Раиль раба да рябину...

Правда, как показывают исследования, мировоззрение протославян, сформировавшее позднее славянские и древнерусские представления о мире, вполне отчётливо сложилось уже в IV–III тыс. до н. э. Их представления находят культурно-родственные параллели в древнеиндийских Ведах, древнеиранской Авесте, древнегреческих мифах и др. источниках¹. Иудеи же, у которых, по схеме книги “Аз и Я”, эти народы позаимствовали основы своего миропонимания, появились на исторической арене как качественно самостоятельное образование в XIII в. до н. э. Сложилось оно в результате расово-этнического и культурного смешения народов семитических с индоевропейскими, которые обитали в Малой Азии с III тыс. до н. э. (см.: “История еврейского народа”, т. I, М., 1914, стр. 25. Ссылаюсь именно на этот источник потому, что, кажется, даже О. Сулейменову не так легко обвинить его авторов в русском или же “арийском” патриотизме: “История” эта написана 52-мя историками-евреями из самых разных стран мира).

Однако утверждать на этом основании, что древнееврейская народность обязана своим особым складом мышления “арийцам”, было бы не менее наивно, нежели обратное утверждение О. Сулейменова.

Интересно, изменилось бы что-нибудь в многозначительной концепции Сулейменова, если бы он знал по крайней мере, что, скажем, древнерусское “раб” (работа и т. д.) никакого отношения ни к израильскому, ни к египетскому Ра не имеет, даже и по форме, ибо произошло от древнеславянского, более того – индоевропейского корня orbъ (орбота – работа, орб – раб)? Думаю, что нет. Потому что ему хочется, чтобы было так, потому ему и кажется, что это так. А для О. Сулейменова истинно то, “что в данный момент” ему кажется “истинным” (9).

Да что там работа! “... Самым древним индоевропейским словом считается *ist* (*est. es, is, iz*) в значении быть” (а в русском – есть, т. е. быть и есть, т. е. питаться, произошли от одной основы). Так вот, и это древнейшее как бы первослово индоевропейцев, не говоря уже о диких славянах, по утверждению О. Сулейменова, просто-напросто подарено им семитами и, конечно же, надо полагать, вместе с явлением, им обозначенным.

Картина, как говорится, впечатляющая. Концептуальная. Мифологическая.

Соотнесённость, порою скрываемая в полунамёках, порою совершенно явная, концепции О. Сулейменова именно с мифом о “главном народе” и составляет “тайный” нервный узел его книги в целом.

Автор “Аз и Я”, неоднократно призывая избавиться “от предрассудков христианских, мусульманских и буддийских знаний”, от догм философий расовых и национальных”, весьма бережно обходит вопрос об иудаизме. Скептически относясь к древнерусской, уже в ту пору многонародной, если уж не многонациональной, государственности и совершенно пренебрегая вопросом о государственности оседлых, земледельческих тюркских народов, О. Сулейменов прямо-таки с восторгом расписывает едва ли не идеальное, по его мнению, государственное объединение – Хазарский каганат. Описывая ди-

¹ См., например, интереснейшее в этом плане исследование Б. А. Рыбакова “Космогония и мифология земледельцев энеолита”. “Советская археология”. 1965. № 1, стр. 33–34, 38; № 2, стр. 16, 21–29, 31–32.

кость русской церкви, которая “причинила древнерусской художественной литературе не меньше вреда, чем пожары Батыя”, клеймя позором “мусульманский геноцид”, автор “Аз и Я” коленопреклоненно пишет о просвещённой веротерпимости хазарского иудаизма.

И не тем ли и заслужили, мягко говоря, неблагосклонность О. Сулейменова те советские (и не только советские) историки, что давно и вполне аргументированно показали, например: “С утверждением в Хазарии иудейства положение хазарских христиан оказалось очень трудным. Их церковная организация была ликвидирована...” А дальнейшая пресловутая “веротерпимость хазар была вынужденной добродетелью, подчинением силе вещей, справиться с которыми Хазарское государство было не в состоянии” (М. И. Артамонов. История Хазар, стр. 333, 334). О. Сулейменов ратует за то, чтобы историки отнеслись с должным вниманием к “урокам” Хазарского каганата. Что ж, уроки действительно наглядные, давно учтённые не одними только историками. А уроки эти таковы: для Хазарского государства “принятие иудейской религии было... роковым шагом. С этого времени был потерян контакт правительства с народом (“каганом мог быть только иудей”. — Ю. С.) и на смену развитию скотоводства и земледелия пришла эпоха посреднической торговли и паразитического обогащения правящей верхушки” (там же, стр. 457).

Таковы реально-исторические факты. Иных, которые позволили бы “пересмотреть” роль иудейской религии и культурно-историческую миссию мифического “главного народа” в целом, к чему с запалом, достойным лучшего применения, призывает О. Сулейменов, — нет.

“Природное двуязычие” — так именует сам автор природу своих изысканий и угол зрения на них, о котором он говорит с нескрываемым чувством превосходства над “патриотическим” взглядом на мир “одноязычников”. Пушкин, Тютчев, Тургенев знали, к примеру, французский язык (о знании и чувстве языка русского — и не говорю), думаю, куда лучше и “природнее”, нежели некоторые наши сегодняшние “двуязычники” свой родной язык. Все они писали стихи и по-французски. И что же? Как поэты “французские” они, прямо скажем, — средние. Дело не в самом по себе дву- три- или более язычии, а в том, чтобы оно не породило духовно-творческую межеумочность, ведущую к безответственному верхоглядству.

“Аз и Я” далеко не уникальное явление. Периодически то здесь, то там возникают подобные “сенсационные” исследования, цель которых — поставить под сомнение безусловные ценности мировой культуры, создать вокруг них атмосферу двусмысленности, недоверия. Однако, как правило, такие “сенсации” недолговечны, а их авторы нередко пытаются откреститься от своих “разоблачений”. В своё время известный советский автор умудрился “доказать”, что Лев Толстой — писатель-дилетант, а его роман “Война и мир” — просто плохо скроенная компиляция с французских и прочих источников. За этими “академическими” изысканиями стояла далеко не литературоведческая идея о том, что “так называемая народная война 1812 года” — не более чем официальная легенда, нашедшая малохудожественное обоснование в книге “яснополянского барина”... Эта монография давно и справедливо забыта. Но уроки её забывать не стоит.

“Аргументы” и тон ниспровергательных сенсаций нового скептика слишком напоминают как логику упомянутой монографии, так и скептицизм в отношении одного из величайших произведений современности.

Трудно сказать, найдёт ли в себе О. Сулейменов достаточно сил и таланта, достаточно духовной зрелости, чтобы понять причины и следствия своего “мифосозидания”, чтобы осознать, куда оно ведёт и кому оно выгодно.